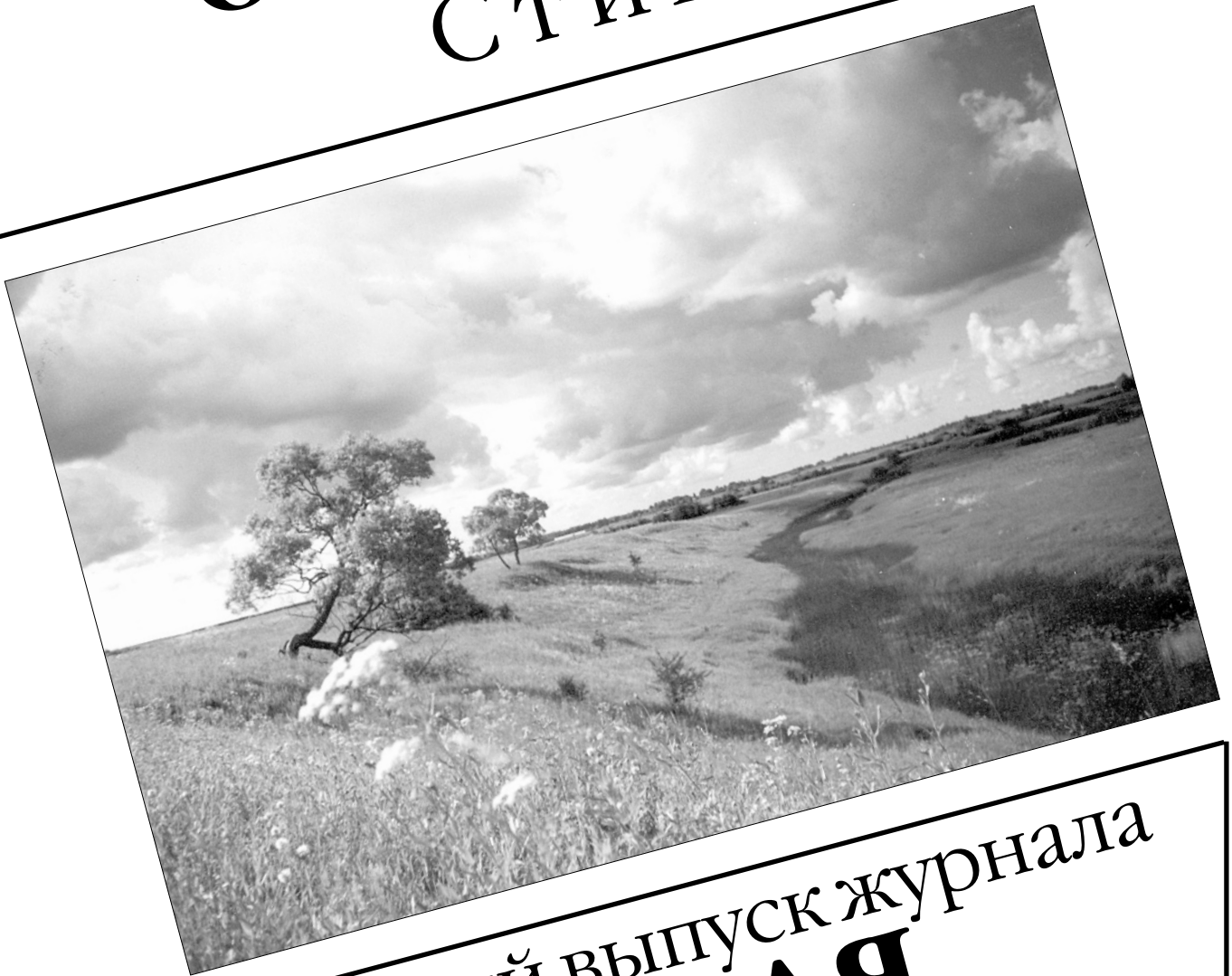

Павел
ГОЛОСОВ
**ЗДРАВСТВУЙ,
ОТЧИЙ КРАЙ**
СТИХИ

Специальный выпуск журнала
«КАЦКАЯ

ЛЕТОПИСЬ»

№ 4, 2005 г.

Павел Николаевич
Голосов
**Здравствуй,
отчий край**
Стихи

Специальный выпуск
журнала краеведов
Кацкого стана
(волости Кадки)
«Кацкая летопись»

№ 4 (133), 2005 год
Редактор С.Н. ТЕМНЯТКИН
Секретарь Н.В. РУМЯНЦЕВ

Редакция искренне благодарит
за помощь в подготовке стихов
к печати Алевтину Николаевну
Безобразову (г. Мышкин)

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 152846
д. Мартыново
Мышкинского района
Ярославской области
ТЕЛЕФОН В МАРТЫНОВЕ:
(08544) 3-27-36
САЙТ В ИНТЕРНЕТЕ:
KL-21.narod.ru
АДРЕС В ИНТЕРНЕТЕ:
<KL-21@list.ru>

Журнал является
преемником газеты
«Кацкая летопись»,
выходившей в 1992-2002 гг.

ИЗДАТЕЛЬ
некоммерческая
организация КЛУБ
«КАЦКАЯ ЛЕТОПИСЬ»

«КЛ» ждет помощи!
Наши банковские реквизиты:
ИНН 7619002912
КПП 761901001
расчетный счет
40703810077150110020
в Угличском ОСБ РФ
№ 2532/056,
корр. счет
30101810500000000670
БИК 047888670

КЛУБ
«КАЦКАЯ ЛЕТОПИСЬ»

© «Кацкая летопись»
Перепечатка –
обязательно со ссылкой на
«КЛ»

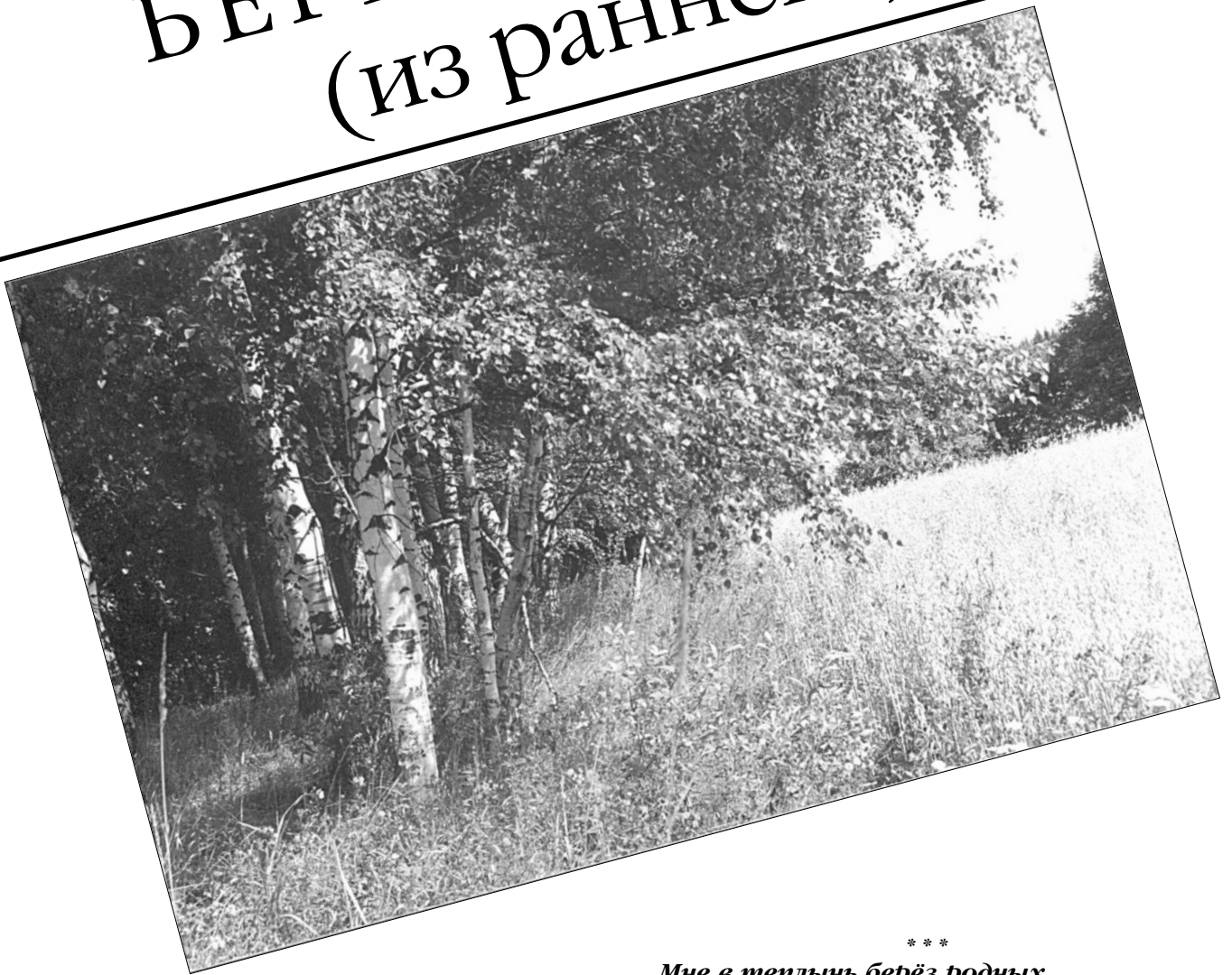
Номер набран и сверстан в МУ
«Редакция «Угличская газета»
(г. Углич)
Отпечатано
в ОАО «Полиграфия»
(г. Ярославль)
Заказ 5075
Тираж 850 экз.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	
ТЕПЛЫНЬ БЕРЕЗ РОДНЫХ	
(из раннего)	
«Мне в теплынь берёз родных...»	3 стр.
<i>СЛОВО – ЧИТАТЕЛЮ</i>	
<i>Владимир Гречухин. Голос деревенского сердца</i>	
«На опушке леса...»	4 стр.
Осеннее	5 стр.
«А я хочу...»	5 стр.
Авиамеханик	5 стр.
Осень	5 стр.
«Над кромкой пожелтевших тополей...»	5 стр.
Вечный труд	6 стр.
Друзьям детства	6 стр.
«Надевают мальчишки гермошлемы и маски...»	6 стр.
«Ласковые руки солнечных лучей...»	6 стр.
«Ему всю ночь ракет сиянье снится...»	6 стр.
Ветераны	7 стр.
Колокола	7 стр.
Зарисовки	7 стр.
«Прислушайтесь к полю...»	7 стр.
Комбайнёры	7 стр.
Упавшие ивы	8 стр.
«Чтобы быть счастливым...»	8 стр.
«Есть в дружбе тяжкий час...»	8 стр.
Скрип-скрип	8 стр.
Подранки	8 стр.
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	
ЗДРАВСТВУЙ, ОТЧИЙ КРАЙ	
(из зрелого)	
Возвращение	9 стр.
<i>СЛОВО – ЧИТАТЕЛЮ</i>	
<i>Светлана Левагина. Добрый свет поэтического мира</i>	
Перевоплощение	10 стр.
«Облака плывут на юго-запад...»	11 стр.
Одуванчиковый полдень	11 стр.
Опять весна	11 стр.
«Под неба синим куполом...»	12 стр.
«А почему я должен умирать?..»	12 стр.
Дед меня моложе	12 стр.
Ода топору	12 стр.
«Туман над речкой послан полосой...»	13 стр.
В начале всех начал	13 стр.
В Знаменском (родовом имении Тютчевых)	14 стр.
«За окошком годы...»	14 стр.
Моя Россия	14 стр.
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	
ГЛАЗАМИ МАТЕРИ ДОМ СМОТРИТ НА МЕНЯ	
(из последнего)	
Встреча	15 стр.
<i>СЛОВО – ЧИТАТЕЛЮ</i>	
<i>Маргарита Ваняшова. Светлая теплынь П. Голосова</i>	
«Реки, речки – дальние дороги...»	16 стр.
«Осень клёны рассердила...»	17 стр.
На крыльчке дед	17 стр.
«Вы слышали, как плачет коростель?..»	18 стр.
«Есть в колосе души моей частица...»	18 стр.
Травы падают	18 стр.
«Я у жизни в долгах неоплаченных...»	18 стр.
НЕМНОГО ОБ АВТОРЕ	
	19 стр.

Часть 1

ТЕПЛЫНЬ БЕРЁЗ РОДНЫХ (из раннего)

*Мне в теплынь берёз родных
Окунуться хочется,
Спрятать руки в ласковой,
Солнечной траве,
И ладони матери,
Чуткие, тревожные,
Ощутить на буйной
Русой голове.*

*Из ручья бессонного
Черпать воду пригоршней,
Смыть с лица усталого
Пыль чужих дорог,
И однажды вечером,
В белом цвете вишенном
Встать ногою твёрдую
На родной порог.*

Слово – читателю

Голос деревенского сердца

...Сегодняшняя поэзия живёт главным образом в больших городах. Там – писатели, там и читатели. Это поэзия отвлечённых мыслей и рассыпанных смутных образов. Это поэзия надломленных душ и разобщённых одиноких людей. Эта поэзия мало способна помочь человеку.

А в деревне, оскудевшей народом, самородные поэтические строки звучат нечасто. В целых сельсоветах и целых сельских районах порой не встретишь ни единого человека, работающего с поэтическим словом. Но тем радостнее, когда такая встреча случается.

В исторической местности Кацкий стан для самодостаточной культурной жизни есть своё мыслящее общество, своя массовая родиноведческая работа, своя журналистика и своё литературное творчество. Наш район, Ярославия и многие культурные центры России хорошо знают журнал «Кацкая летопись», в котором печатаются все историко-краеведческие изыскания и все лучшие литературные произведения сельских авторов от Ковезина до Подолец. Там есть яркая самобытная проза и есть стихи. Слагать рифмы пробовали и пробуют многие жители долины реки Кадки, но Поэт среди них один. Это Павел Николаевич Голосов из села Ордина.

Это автор со своим твёрдо звучащим поэтическим словом, со своим видением жизни, со своим душевным откликом на ее многообразные проявления. Какова поэзия Голосова? Это стихи без изысков, но в них всегда есть живая красота простой речи, добротная крепость образов и верность давним началам русского стихотворчества.

Поэзия Голосова – дочь советского литературного двадцатого века России, но ей удалось почти во всём не сбиваться на официальные подходы к рассказу о жизни и сохранить простую радостную сердечность творческого звучания. Она сохраняет строй старой русской культуры и старой русской народной речи.

Какова её главная суть? Это поэтическое раскрытие сельской жизни, желание и умение с душевной радостью говорить о са-

мых насущных и лучших её ценностях, ярко выявляя их. В стихах П.Н. Голосова спокойно и естественно звучит простая и устойчивая философия народного деревенского бытия. Они построены несложно, но уверенно и надёжно, как строится деревенским плотником сельский дом.

Автор идёт от «родников» самых малых красот и прелестей деревенского бытия. Таким же творческим путём, от таких же истоков шли и Есенин, и Рубцов, и многие иные великие и малые песнетворцы глубинной России. И в их стихах ясно и незамутнённо звучит голос Деревни и голос Отечества. Это очень давняя и крепкая литературная традиция, которая и «держит» стихи Павла Николаевича Голосова в русле русской творческой художественной правды. Это и гарантирует их верную народную интонацию.

Желающий найти в стихах кацкого поэта нечто весьма оригинальное и весьма личное будет разочарован. Он встретится с автором, выражающим более общенародное (или общекацкое), нежели только своё. Он увидит поэзию вечных добрых деревенских начал, поэзию цельной души. Он удивится, что в нашу ломаную-переломанную эпоху, во времена умственных метаний, крушения идеалов и душевной апатии, в стихах Голосова нет... надрыва. Но такому читателю надлежало понять, что это и есть главное и вечное душевное свойство русской деревни – свойство душевного здоровья, вечный признак её бессмертного оптимизма, который в немалой степени жив даже сейчас среди превращения в пустоши тысяч и тысяч русских селений...

Мы уже отмечали, что поэтическое творчество Павла Николаевича Голосова – это дитя советской литературы двадцатого века. И сильное влияние тех лет хорошо узнаваемо во многих стихах, где советская риторика приметно пробивается – например, в стихотворении «Чтобы быть счастливым...», почти зеркально напоминающим стихи В.Д. Ковалёва «Для счастья нужно совсем немного...». Оба поэта совсем не знали о таковых произведениях

друг друга, но эпоха, воспитавшая и сформировавшая их, привела к сходственным творческим решениям. Однако, читая сборник стихов Голосова, порадуешься, что «официальный оптимизм», задававший творчество, не возвышается над откровениями малых радостей сельской жизни и над чувством кровной приверженности к ним.

Советская «идеологическая» окраска стихов звучит в целом ряде работ Голосова, особенно в таких, как «Комбайнёры», «Прислушайся к полю...», «Друзьям детства», «Перевоплощение», «Возвращение», но не они оказываются главными, основополагающими, создающими ядро этой книги. Главной силой, идущей от самых корневых и самых сердечных осознаний жизни, стали стихи ряда, в котором находятся «Ода топору», «Моя Россия», «Ветер рожь качает», «В начале всех начал» и другие. В них ясно ощущимо поэтическое взросление автора, углубление и развитие его творчества. Это заметно и в ряде новых образных удач, как в концовке стихотворения «Ласковые руки солнечных лучей...»

Завершая свой краткий читательский отзыв, обобщая всё прозвучавшее, очевидно, следует сказать, что стихи П.Н. Голосова – это простой и искренний поэтический голос деревни. Для ещё большей силы и выразительности ему, быть может, не хватало некоторого чувства грусти, которого в сельской жизни сегодня так много и без которого слеза в строке не проблеснёт. Но поэт на то и поэт, чтобы с каждым днём и годом неприметно, но верно углублять своё чувствование жизни и обогащать свой рассказ о ней. У Павла Николаевича Голосова впереди много новых постижений и много светлых и милых строк.

И пора сказать последнюю мысль нашего отзыва: поэт – это драгоценный участник жизни большого ли – малого ли общества, и благословенна земля, поэтотв рождающая.

**Владимир Александрович
ГРЕЧУХИН,**
член-корреспондент
Петровской Академии Наук
и Искусств
г. Мышкин

* * *

На опушке леса,
Там, где гаснут зори,
Стройные берёзы
Под дождём дрожат.
Ветерок-повеса,
Сам с собою споря,
Руки их белёсые
Хочет удержать.

А берёзки стаей
Убегают в осень,
Сбросив шаль листвяную
В мокрые кусты.
И тревожным взглядом
Посмотрев на озимь,
Вспоминают пьяные
Майские цветы.

1970 год

Осеннее

Золотыми брызгами берёзы
Разбросали листья на лугу,
По утрам не серебрятся росы.
И уже не слышатся «Ку-ку».

Пусто в поле. Выйди за деревню,
Посмотри, какая даль видна!
И как будто из легенды древней,
Мчится всадник, встав на стремяна.

И как ратный шлем, вдали сверкает
Золотых волос его копна;
Это юность мимо пролетает,
Как и осень, коротка она.

Сентябрь 1971 года

«А я хочу...»

«Если сохранится сегодняшнее соотношение темпов роста населения Земли и темпов роста городского населения, то уже где-то к 2020 году почти все человечество будет жить в городах».

(Из научной статьи, 1971 год).

А я хочу всё время видеть ивы
И ласточек стремительный полёт,
И веиние ручьи, извилисты, бурливы,
Несущие на стинах синий лёд.

И шёпот рек, текущих по равнине,
Проснувшихся от холода росы,
А на берёзках – серебристый иней
У края предрассветной полосы.

Мне не нужны «балконные сады»,
В оранжереях трепетанье роз –
Милее мне пустынные кусты,
Которые вот-вот согнёт мороз.

Хочу в зародыше почувствовать начало
Всего земного, что нам дарит жизнь:
Чтоб сердце пело, плакало, кричало
О каждом колосе ещё не сжатой ржи.

О каждой птице, улетевшей в осень,
О дереве, развесившем листву,
О первом снеге, вновь укрывшем озимь
До дней весенних, щедрых на траву.

Авиамеханик

«Ну, вот и кончена работа», –
Присел устало на чехлы
Пропахший травами и потом
Механик огненной стрелы.

Присел и смотрит напряжённо,
Как в свой очередной полёт
Торжественно и устремлённо
Уходит первый самолёт.

За ним второй, четвёртый, пятый –
«А вот и мой, как первый гром».
И пахнет маслами и мятой
В июньский зной аэродром.

1971 год

Осень

Телеграммой на листе кленовом
Осень заявила о себе,
И деревья запылали снова,
С грустью вспоминая о весне.

Тополь постучал ко мне в окошко:
«До свиданья, ухожу, прости,
До зимы осталось ведь немножко,
Я вернусь в апреле, не грусти».

Ветер-озорник перебирает
На лугах промокнутую траву,
И, страницы осени читая,
Открывает новую главу.

Но в разливе буйном жёлтых листьев
Вижу майских восходов синеву,
Вижу, как дождя цветные капли
Поливают веинию траву.

Сентябрь 1971 года

* * *

Над кромкой пожелтевших тополей
Несут печаль седые облака,
И запах хлеба спелого с полей
Приносит ветер в ласковых руках.

Я с этим запахом родился в летний день,
И волосы венком ржаным цвели.
...Сейчас, как покосившийся плетень,
Стою в тяжёлой уличной пыли.

Или упасть на грудь земную мне
И бросить руки к василькам седым?
Заблудшим сыном в дальней стороне
Вдыхать земной, угарный, пряный дым.

Иль кто пройдет и подопрёт плечом,
Поставит прямо и шепнёт: «Иди»,
И я пойду, не плача ни о чём,
Не зная, что встречает впереди.

1971 год

Вечный труд

Над кромкой дальнего лесного вала,
Где в сонной речке плещут камыши,
Художница-природа рисовала,
Палитры буйство разбросав в тиши.

Мазок, ещё – и холст небес расцвечен
Прозрачным пламенем пылающей зари,
Ещё мазок – и тихо звёзды-свечи
Зажглись в небесной голубой дали.

Теперь немного краски бросить
в травы,
Подправить берег сонного пруда...
И, холст сменив послушными ветрами,
Начать сначала! Не жалеть труда!

Друзьям детства

Мальчишки с пыльных улиц деревенских
С наганом деревянным на ремне,
За ригами, вдали от взглядов женских,
Мечтали о сраженьях, о войне.

Налотухи с налётом белой пыли
В атаку с саблей-хворостиной шли.
Будёнными, Чапаями мы были,
Но Колчака вот только не нашли.

Тряхнув упрямо русой головою,
Наши Димка, наши безусый командир,
Вёл «эскадрон» дорогой полевой,
Как в книжке старой, читанной до дыр.

Босыми пятками вбирая рос прохладу,
Шли «конники» усталые домой...
Друзья мои! Давайте сядем рядом,
Но разговор уж поведём иной.

Мы будем говорить о травах росных,
О мирном небе над тобой, Земля,
И чтоб в руках сынов русоволосых
Цветы лежали с солнечных полей.

* * *

Надевают мальчишки
гермошлемы и маски –
Благородные рыцари
из неведомой сказки,
И уходят в рассветы
штурмовать небо синее
Над простором бескрайним,
что зовется Россией.

А в лесной деревеньке
мать с улыбкою смотрит на небо:
«Это сын мой, соседи,
там недавно никто ещё не был».

А глазами тревожными
провожает ушедшее вдаль,
Облака полусонные,
тающие, как печаль.

А мальчишки мечтают,
бредят скоростью и высотами,
Очень просто и буднично
называют друг друга пилотами.
1971 год

* * *

Ласковые руки солнечных лучей,
Песенку негромкую мне пропел ручей,
И ковёр листовяный под ногами лёг,
И змея-дорога убегает в лог.

Я иду просёлком. Пыль и тишина.
Ветер над полями встал на стремена.
По тропинке узенькой убегаю в лес,
Полный тайн неведомых, неземных чудес.

Здесь берёзки фееми вдоль тропы стоят,
На ладонях-листьях капли рос дрожат,
В кисею зелёную прячут взгляд свой тих,
А дубы, как воины, охраняют их.

По широкой просеке бродят тени рыжие,
Маленькими гномами под кустами
рыжики.
Золушкою осень встала на порог
В перекрестье просини и лесных дорог.

* * *

Моему отцу и всем солдатам
Второй мировой...

Ему всю ночь ракет сиянье снится
И пулемёта очередь в упор.
С врагами, с философией Ницше
Вступает он в бескомпромиссный спор.

Друзья кто раньше, кто немного позже
Ложатся в стынь завьюженной земли.
Но за спиной Чехословакия и Польша
Для новой жизни, как цветы, взошли.

Гром орудийный, отблески пожаров
Тревожат сон солдата мировой.
Но мирно спит цветущая Варшава,
И Одер плещет в берега волной.

О непогоде вновь напоминают раны,
Куски металла с огненных полей.
Но под пятой врага не стонут страны,
Идут вперёд уверенней, смелей.

А в День Победы ордена наденет,
За мёртвых выпьет, выпьет за живых,
И тихо скажет: «Не хочу, чтоб тени
Остались в хиросимских мостовых».
9 мая 1975 года

Ветераны

Мы уже забываем
Лица рядом стоявших
На плацу пропылённом
И в окопе сыром.
Мы уже перестали
Оплакивать павших,
Только раны всё чаще
Говорят о былом.
Ветер времени кружит
По листам календарным,
Поседели мальчишки
Огневых, роковых.
В нашей памяти вечно
Имена легендарные
Остающихся с нами
Навсегда молодых.
Наши дети упрямы,
Наша память надёжна,
И оружие в крепких
Рабочих руках.
Но у пультов, экранов,
Люди, помните прошлое.
Сохраните планету
Голубую в веках.

1980 год

Колокола

Размышления у картины
В. Багдасарьяна.

Колокола над Родиной моей,
Как вестники надежды и тревоги.
Колокола над Родиной моей
Вызванивают ратные дороги.

Они звучат всё громче, всё сильнее,
На новгородском вече просят слова,
Они зовут, на жизнь зовут людей,
Вновь выводя на поле Куликово.

Из века в век, зашумев этот гул,
Оставит пахарь в борозде соху,
И замирает сердце у жены:
Родной земле вновь войны нужны.

Сияет бронза в солнечных лучах
И звон малиновый природу будит.
В них боль и гнев народные звучат,
За дух бунтарский языки им рубят.

...Колокола стареют и смолкают,
Уж не тревожат поднебесной сини.
Пройдут года и пройдут века,
Но не умолкнет колокол Хатыни.

Ему звучать тревожно и печально,
Ему взметнуться в небо над Россией,
И, словно эхо, над страной дальней
Его собрат над пеплом Хиросимы.

И тишина. И вороны. И пламя...
Заходит солнце, удлиняет тени,
И темень ночи, долгая, как память,
Как размышленье о грядущем времени.
1981 год

Зарисовки

Кипит черёмуха метелью,
И, брызги солнца расплескав,
Река становится постелью
Для лодок, спящих на волнах.

Короткий дождь промчался по опушке,
Примял траву, и – вот опять светло,
И, листья-зонтики развесив для просушки,
Деревья сторожат, чтоб их не унесло.

Проходят дни, идёт за годом год,
А сердце всё стучит, не уставая,
И лишь замрёт на миг, когда придёт
Последняя минута расставанья.

* * *

Прислушайтесь к полю:
Здесь каждый колос
Поёт свою песню,
Зерно качая.
Не каждый может
Услышать тот голос,
Негромкий голос
Нового урожая.

Прислушайся к ветру:
Он эти песни
Несёт по свету,
Вздымает в небо,
И в каждом доме
Ложатся песни
На стол обычной
Краюхой хлеба.

1983 год

Комбайнёры

Усталые руки ложатся
На штурвалы тяжёлые.
Колосья падают в жатку
И кажутся очень жёлтыми.
Умыты солнцем свежими,
Напоены солнцем и небом,
Падают, вздрогнув, срезанные,
Становятся просто хлебом.
Моторы гудят натружено,
Рубахи на спинах белые,
Машины идут нагружены
Доверху золотом спелым.
Уборка – и снова сеем:
Труд хлебороба спешен.
А хлеб, он не жёлтый – серый:
Он с гудом и потом смешан.

1984 год

УПАВШИЕ ИВЫ

Поседелистья,
Отболели раны,
Буйным ветром брошены
На земную твердь,
Падают, согнувшись,
Ивы-ветераны,
Умирают молча,
Верь или не верь.

Видели закаты,
Видели рассветы,
Зимние морозы
Звонки и чисты.
Умирают молча,
Разбросали ветки,
Отшумели кудри
Зеленую листву.

Но упрямо рвётся
Молодая поросль,
Пробивает к солнцу
Одряхлевший пенёк.
Вечная динамика
Быстротечной жизни:
Рядом с днём вчерашним
Новый светлый день.

* * *

Чтобы быть счастливым,
Так немного надо:
Ласковые руки,
Милые глаза,
Ранним утром росным
Выйти на дорогу
И услышать в поле
Птичьи голоса.

По лугу росистому
Пробежать с любимой,
Шелест трав высоких,
Серебро ручья.
Под огромным небом,
С облаками дымными
Двое в этом мире,
Двое – ты и я.

Чтобы быть счастливым,
Надо в землю верить.
Надо верить в солнце
И дождливым днём.
Всем, кому я нужен,
Открываю двери:
«Заходите, люди,
Радуйте мой дом!»

* * *

Есть в дружбе тяжкий час,
Тревожный час разлуки.
Не в силах удержать нас
Сцепившиеся руки.

Сейчас с протяжным криком
Уйдут вагоны вдаль,
В душе с иконным ликом
Поселится печаль.

СКРИП-СКРИП

Скрип-скрип,
Скрип-скрип,
Под ва-лен-ками,
Мо-роз тре-щит,
Ая не ма-лень-кий.
Мо-роз тре-щит,
Над-ры-ва-ет-ся,
Ая и-ду,
Улы-ба-юся.
Рас-кра-сил нос
И щё-ки мне,
Ая кри-чу:
«Е-щё силь-ней!»

ПОДРАНКИ

Августовские ночи вновь тревожат
зарницы.
Собираются в стаи перелётные птицы.

Юность пробует крылья, поднимается
в небо
Над уснувшей рекою, полем с запахом
хлеба.

Расколос громкий выстрел тишину
предосеннюю,
Резко бросило болью с неба снова
на землю.

Ах вы, крылья мои, что ж не держите
птицу?
И полёты теперь будут мне только
сниться.

Только крик мой взовьётся вслед
исчезнувшей стае:
«Не оставьте в беде, вновь на юг улетая!»

Но нельзя возвратить то, что отнято
болью.
И растаял тот крик, как прощание
с волей.

Дни спускаются в осень, и всё раннее
уходит,
Чтоб позднее вернуться, солнца луч
на восходе.

Не согреть небо хмурое, не промчится
гроза,
Полыхнуло метелью по птичьим глазам.

Не согреть уж полётом холодеющих
крыльев,
Засыпает зима снежной колющей пылью.

Часть 2

ЗДРАВСТВУЙ, ОТЧИЙ КРАЙ (из зрелого)

Возвращение

*И вот я снова с этой песней звонкой
Иду по милой сердцу стороне,
И вновь берёзы – юные девчонки,
С любовью руки протянули мне.*

*Я возвратился! Здравствуй, отчий край!
Здесь отдохну и здесь душой остыну.
Привет, кусты, грачиний звонкий грай
И все ветра, что гнали меня в стину.*

*Приду и сброшу сразу у дверей
Ботинки с пылью дальних переходов.
В кувшин воды из родника налей,
Я – дома! Я – вернулся! Я – свободен!*

*Когда пройдёт похмелье юных лет,
Когда увидишь небеса в алмазах,
И юности ушедшей глянешь вслед,
Поймёшь, что жизнь не строят по заказу.*

*Что слишком многое в прошедшем дне
И от меня и от других зависит.
А жизнь – одна! И тем, что нужно мне,
Я поделюсь: не жаден, не завистлив.*

*Я поделюсь водою из ручья,
Я поделюсь большим кусочком солнца,
Нам хватит всем той песни соловья,
Нам хватит бури, что стучит в оконце.*

*Всё – всем! И тем живёшь один,
Как лист на ветке, погнутою стужей.
Всё – всем! Тогда ты господин,
Тогда ты счастлив и тогда ты нужен!*

Февраль 2001 года

Слово – читателю

Добрый свет поэтического мира

Когда-то М.М. Пришвин заметил: «Мы в природе соприкасаемся с творчеством жизни и соучаствуем в нём... Дело человека высказать то, что молчаливо переживается миром. От этого высказывания, впрочем, изменятся и самый мир».

Редкое сопряжение такого творчества с профессией учителя по-особому действенно. Меня поразила как-то встреча с одной старой женщиной из костромской деревни Шаболово, которая таким языком, с такими психологическими нюансами пересказывала соседкам по большой палате примитивный бразильский сериал, что в пересказе этом узнавались лучшие образцы русской классической прозы! Тут же были спеты частушки, а когда они с подругой на два голоса запели рождественскую службу, сбегалась слушать вся больница...

Начальные классы деревенской школы, сиротство, жизнь в няньках, работа в колхозе, а потом уборщицей – и такая богатейшая внутренняя жизнь. Откуда? Оказалось, учителем её был Ефим Честняков – замечательный сказочник, философ, поэт, художник, самообытный талант которого был отмечен Репиным.

Столичную карьеру он променял на то, чтобы в самой глухой деревне – своей деревне – научить детей видеть и чувствовать красоту, строить по ней жизнь, а в бедном содержании окружающего существования увидеть богатейший человеческий подтекст. И мы видим, как через многие десятилетия отзывалось поэтическое слово учителя, помогая не выживать, а жить.

Любимейшей у детей была сказка Честнякова «Ручеёк», в которой главный герой журчит по камешкам и рассказывает о каждой травинке, каждом цветике, каждой букашке по дороге, описывая их цвет, вид, запах, настроение... Ведь для того чтобы оценить и почувствовать красоту, надо суметь её назвать, дать имя чуду жизни. Дитя в раннем возрасте умеет это делать, а потом – замученным жизнью взрослым кажется это уже неважным, и стремление к прекрасному пресекается на корню. В результате, говоря словами Честнякова, «искусства остановились и душевный мир как бы обесцветился».

И ещё: «Искусство поэзии, музыки, живописи и простой быт жизни (родной край) влекли меня в разные стороны, и я был полон страданий... со-

единю вас всех воедино и выведу миру во всём наличии, красоте и славе».

И вот «во всём наличии, красоте и славе» предстаёт перед нами поэтический мир Павла Николаевича Голосова. «Обесцвеченность» ему не грозит, потому что в его диалоге с окружающим миром заложен принцип природного космизма, «когда «мгновение» равноценно вечности, когда частица бытия говорит о целой Вселенной», а сам человек «включается в вечную жизнь природы, соотносится с ней, поверяется ею» (Ю. Селезнёв).

Помните, как у Павла Николаевича:

**Мне в теплынь берёз родных
Окунуться хочется...**

Поэт может взять у природы даже ритмику во всей её естественности:

**Скрип-скрип,
Скрип-скрип,
Под ва-лен-ка-ми,
Мо-роз тре-щит,
А я не ма-лень-кий...**

Давно отмечено, что поэзия – это как бы ответ на желание природы обрести язык, заговорить. И потому несколько великих поэтов не могут сказать о ней всё – каждый уголок русский ждёт своего певца, который бы буквально кожей почувствовал неповторимость окружающего, как получилось в замечательном стихотворении Голосова «Босиком».

А рядом с чуткой передачей неповторимых мгновений у него – образы, идущие из самых глубин народной поэзии, но переосмысленные, пережитые по-своему. Это и древнейший круг бытия, солнечный круг, в стихотворении «За окошком годы», кончающемся неожиданно:

**Юным пел об осени,
Нынче жду весну...**

И дерево «как связь между землёй и небом» в стихотворении «Переволочение»:

**Я – дерево: переживаю осень,
Всё меньше света,
всё длиннее тени,
И неба угасающая просишь
Морозом ранним ставит
на колени...**

Эта связь глубоко человечна, в ней человек и природа едины:

**Я – дерево: людская суета
Проходит мимо вслед
упавшим листьям;
Всегда по ветру ветки
разметав,
Живу, дышу, надеюсь, вижу,
мыслю...**

В «Оде топору» топор становится символом вечности человеческой жизни. Но и слово – такой же символ вечности, и мы видим, как сливаются они вместе в стихотворении, обращённом к «началу всех начал»:

**...Пергамент перед ним
илища, лица –
Князья, бояре, битвы
давних пор.
Вот конница в степи
намётom мчитcя,
Под плач жены смерд точит
свой топор...**

А образ добытого хлеба из стихотворения «Комбайнёры» цветом своим – серым, смешанным «с гудом и потом» – выводит нас к стихотворению «Працацкарям»; там это – цвет их рубах, удивительно зримо воскрешающий облик тех неведомых людей. А какой неповторимый образ повторяющейся осени в этом стихотворении!

**Лето снова взято
журавлями,
По оврагам вновь рябин
огонь...**

И кто, кроме поэта, увидит, что природа – художница?

**Теперь немного краски
бросить в травы,
Подправить берег сонного
пруда...**

**И, холст сменив послушными
ветрами,
Начать сначала! Не жалеть
труда!**

И только поэт не просто заметит, но и открывает всем, что обычная жизнь – это уже праздник:

**Я – дерево: и майская листва
Рвёт почки, снова в будущее
веря,**

**И ранним утром неба
синева
Блестя, в сегодня открывает
двери.**

В настоящей поэзии есть нечто, природе недостающее: каждая частичка природы преходяща и конечна, а поэзия может сохранить её, сделать нетленной и вечной, возратить радость общения с ней. И в этом вечная наша надежда на бессмертие жизни. Отсюда – добрый и тёплый свет поэтического мира Павла Николаевича Голосова.

Светлана Николаевна ЛЕВАГИНА,
заместитель директора областной
юношеской библиотеки
имени А. Суркова
г. Ярославль

Перевоплощение

Я – дерево: развесивши листву,
Встречаю долгие закаты
и рассветы,
А ветер рвёт пожухлую траву,
Все ближе осень и все дальше лето.

Я – дерево: промокнувши дождём,
Дрожь октябрьской вечной
непогодой,
Вновь вспомню о прошедшем, о былом,
А дни сложились слишком быстро
в годы.

Я – дерево: переживаю осень,
Всё меньше света, всё длиннее тени,
И неба угасающего просинь
Морозом ранним ставит на колени.

Я – дерево: и майская листва
Рвёт почки, снова в будущее веря,
А ранним утром неба синева
Блестя, в сегодня открывает двери.

Я – дерево: на берегу реки
Встаю как связь между землёй и небом.
Ночные грозы тихи, далеки,
С полей приносит ветер запах хлеба.

Я – дерево: людская суета
Проходит мимо вслед упавшим
листьям,
Всегда по ветру ветки разметав,
Живу, дышу, надеюсь, вижу, мыслю.

И это жизнь: за днём проходит день,
Всё ближе старость, всё слабее
корни.

От дерева останется лишь пень,
А кто сажал – того и будут
помнить.
Январь 2001 года

* * *

Облака плывут на юго-запад,
Предвещая раннюю весну.
В марте снег имеет горький запах,
Оттого ночами не усну.
Оттого и видится к рассвету
Даль полей и шумная гроза,
Оттого в изломе зимних веток
Слышу птиц шальные голоса.
Отшумят весёлые капли,
Отцветут орешники в лесу,
С долгим криком птицы пролетели,
Лето вновь на крыльях пронесут.
А пока плывут на юго-запад
Облака в синеющей тиши...
Вдруг в июне – снега тонкий запах
В потаённом уголке души.

Одуванчиковый полдень

Одуванчиковый полдень –
Вся земля в сиянье света;
Одуванчиком заполнен
Этот день в начале лета.
Приготовились к полёту,
Ждут лишь ветра дуновенья,
Разнесут по белу свету
Новой жизни продолженье.
Так и было, так и будет:
Прорастаем семенами,
Повторяем, продолжаем
То, что начато не нами.

Опять весна

Опять весна срывает белые одежды
С полей, умытых талою водою.
Опять берёзы с робкою надеждой
К шальному солнцу тянут тонкие ладони.

Вновь буйство красок, переливы света,
Шумит река, буйнит, лёд ломает,
Но чувствует, на переходе к лету
Её могущество исчезнет и растает.

Уже забыты зимние метели,
Всё оживает и торопится любить.
Вчера грачи, я видел, прилетели,
А рано утром гнёзда стали вить.

Очередной виток Земля проходит
Вкруг Солнца, как вкруг лампы мотылёк,
Ещё вчера светился иней на восходе,
А уж пожар из листьев недалёк.

Так день за днем и мы с Землёю кружим,
Живём, смеёмся, верим, рвёмся к цели.
Торопим время, суедемся, вьюжим
Себе виски серебряной метелью.

Всё повторяется. Бессмертное
искусство:
Зажечь закат, сменив его рассветом.
Короткий миг – и снова в поле пусто,
Проходит жизни круг очередное лето.

А новый круг короче, чем минувший,
И надо бы остановиться хоть на миг.
Но солнце всходит, лес шумит,
проснувшись –
И вновь прощальный журавлиный крик.

Всё повторяется в расчётливой природе,
Промчатся дни и сложатся в года –
Всё повторяется: приходит и уходит,
И только жизнь не повторится никогда.
Февраль 2002 года

* * *

Под неба синим куполом
Лежу, уткнувшись носом
В былинку бледно-жухлую,
В окопе, на откосе.

Лежу, спиною чувствую:
Все пули на меня.
Ребята, как же выстоять
Такой разгул огня?

Но честь всего дороже,
Подняться нам велит.
Вскрик: «Помоги мне, Боже!»,
В ответ: «Аллах велик!»

И дробью эхо звонкое
Несётся по горам.
А дома ждут девчонки
С глазами мудрых мам.

А дома реки тихие,
Задумчивы леса.
Здесь трассерами вспыхнет
Заката полоса.

Вновь за спиной равнины,
А на равнинах храмы,
И молятся равнины,
Попы, муллы и ламы.

За тех, кто в Бога верит,
Да и за тех, кто – нет.
Как тяжелы потери,
А как нам мало лет.

А боги наши разные
Нас видят с высоты.
Но не придут к согласию:
Кто лучшие – я или ты.

А боги пока спорят,
Мы будем воевать.
От слёз солёно море:
Всё плачет чья-то мать.

А бледная с косою
Опять не хочет слушать.
Не жди: я не завою:
«Спасите наши души».

Я поднимусь: ты рядом,
Мой дед, в сорок втором
Ты встал под Сталинградом,
А я под Веденом.

* * *

А почему я должен умирать?
В глазах – берёзы,
На крыльечке – мать,

Чужие горы прячут рассвет,
А мне всего лишь
Восемнадцать лет.
Негромкий выстрел тишину
тревожит –

Где та граница
Между «есть» и «может»?
Всё может быть:
И завтрашний рассвет,
И может быть мне
Девятнадцать лет.
А может – взрыв,
И вздрогнет в страхе вечность,
Полёт. Обрыв,
За ними – бесконечность.
Так почему я должен умирать?
А выживу – чья будет плакать мать?
Затихли горы, побелел рассвет,
Мне и ему по восемнадцать лет...

Дед меня моложе

Мне пятьдесят. Но дед меня моложе –
Вот обелиск, вот дата, вот и грань.
Ему на запад долгий путь проложен.
Вновь эшелон. Гармоника, играй!

Играй, родная, обо всём, что было,
Играй о том, что ждёт вас впереди.
Жена на фронт слезами проводила,
Перекрестила: «Родненький, иди!»

«Иди!» - склонили головы берёзы,
Как будто знали, что возврата нет.
«Иди!» - тихонько шевельнули грозды,
И ветер разметал последний след.

Стучат колёса, ритмы задавая,
Жми, гармонист, на кнопки, как
на стуск.

Поёт пехота, вся ещё живая –
Все молоды и все вернутся пусть.

Играй с надрывом про реку и поле,
Про лес, и дом родимый у пруда.
Лихая им опять досталась доля –
Им двадцать пять останется всегда.

Играй, трёхрядка! Где судьба солдата?
Мы встретимся лишь через много лет.
Вот обелиск гранитный, вот и дата.
И ты всегда меня моложе, дед.

Ода топору

Вечером, присевши у лучины,
Предок мой налаживал топор.
Сталь клинка и звонкое точило
Продолжают бесконечный спор.

Что прочней: железо или камень?
Этот спор идёт уже века.

В Знаменском

(в родовом имении Тютчевых)

*Ах, как же пели эти соловьи,
Что по-над Кадкой в отблесках заката,
Им вторила мелодия струи,
Журчащей по камням у переката.*

*А тишина настолько векова,
Что кажется: чуть тронешь
струнылистья,
Романса дивного послышатся слова,
А комариный писк, как будто выстрел.*

*Старинный дом и липы у окна,
Мелькают тени под свечей мерцанье.
Налей бокал французского вина,
Здесь кратки встречи, долги
расставанья.*

*Коляска ждёт вас утром у ворот,
И бьют копытом землю вороны,
Дорога убежит за поворот,
А впереди – огромная Россия.*

*Ждут люди, лица, встречи, города,
Блеск шумных улиц и витрин сиянье,
Но видится скамейка у пруда,
Шурианье шёлка и слова прощанья.*

*И пол-Европы повидав за жизнь,
Вдруг слышен в бледных городских закатах
Тот соловей, что пел над полем ржи
И в даль за Кадку зывал когда-то.
Август 2003 года*

* * *

*За окошком годы
Тихо пролетают –
То дожди захлещут,
То снега растают.
Зимние морозы,
Звонкие капли...
Не заметил даже,
Годы пролетели.
Были босоноги,
Торопились жить.
Как вода по Кадке,
Времечко бежит.
Не остановиться,
Не вернуть назад,
Солнце может скрыться,
Навсегда – нельзя.
Дни сложились в осень,
Пробуй – удержи.
Помнишь, бегал босым,
Оглянулся – жизнь!
Мартовские просины,
Ночью не усну –
Юным пел об осени,
Нынче жду весну...*

Моя Россия

*Вся моя Россия –
ветер за окошком,
На бугре берёза
да грачиный грай,
Поле, перелесок,
по лесу дорожка,
Да ресницы ёлок –
там, где неба край.
Улица в деревне.
Пыльная дорога
Взбита босоногой
шумной детворой;
Узкая тропинка
прямо от порога
Кому-то петляет
вон под той горой.
Под июньским солнцем
омут синий-синий,
По краям кувшинки,
и журчит вода.
Ждёт меня купаться
лучший друг Василий...
Если б возвращаться
в детство иногда!
Помельчал тот омут,
старится берёза,
Но все так же бьётся
ветер за окном.
Сядешь к жаркой печке,
прибежав с мороза,
И приветит печка
ласковым теплом.
Закипает чайник,
песнь свою заводит,
На диване спину
выгнул рыжий кот.
Тучи месяц прячут –
видно, к непогоде;
За шумят метели,
как и каждый год.
Кто-то усмехнётся:
«Ну какой он странный!
Как он мало видит,
и как мир велик».
Осенью для птицы
есть другие страны,
Но в свое болото
вновь летит кулик.
Всех когда-то манят
дали голубые,
Встречи и разлуки,
данные судьбой.
Но несущая дали
малую Россию,
Как в мешке солдатском:
все моё – с собой!
Февраль 2002 года*

Часть 3 ГЛАЗАМИ МАТЕРИ ДОМ СМОТРИТ НА МЕНЯ (из последнего)

Встреча

*Глазами матери дом смотрит на меня,
Мой старый дом с берёзкой у крылечка,
Здесь юность мчалась, далями маня –
Сгорела, как лучина в русской печке.*

*Но подождала неяркий тот костёр,
Что грел мне в холод зябнувшую душу.
Из этих стен я вышел на простор
И счастлив тем, что был кому-то нужен.*

*«Ну, здравствуй, – тихо дому говорю, –
Открой мне сени, пахнувшие хлебом».
Подгнившую калитку отворю,
Но дом молчит: я так давно здесь не был.*

*Ты помнишь день, когда я уходил?
«Счастливым путём», – ворота проскрипели.
Я молодой, и как же много сил;
Ушёл на жизнь, казалось – на неделю.*

*«Прости меня, наш добрый Домовой!»
Молчит. Не может жить он в одиночку.
Всё так же матица трещит над головой,
И эхо – как комар в бездонной бочке!*

*Заглядывают лопухи в окно,
И муха бьётся в тонкой паутине,
На стенах тени, как в немо кино,
Смола на брёвнах, как слеза о сыне...*

*У каждого есть свой родимый дом –
Из камня, дерева, с берёзой или садом:
Порой всю жизнь с ним этой встречи ждём –
Дом позовёт, услышать только надо.*

Слово – читателю

Светлая теплынь П. Голосова

Я читаю и перечитываю поэтические строчки Павла Голосова в то время, когда небывалая осень с её солнечным светом и теплом, пронизывает жизнь светящимся сиянием. И кажется, что строки поэта, вдохновлённого могучей силой природы, побеждающей стылость и студённость, рождены только что, сию минуту. Читаю стихи день за днем, продлевая «удовольствие от текста» и незримое общение с Павлом Николаевичем Голосовым. Иногда открываю страницы наугад, в случайном месте, – всматриваюсь, вслушиваюсь; за негромкими строками – душа поэта, обнажённая, открытая, нежная и мужественная. А в сумрачном небе видны предзимние круги улетающих птиц. Вскоре земля окутается снегом, грянут цепенящие морозы. И только страницы книги стихотворений Павла Голосова по-прежнему обдают дуновением весенней ли, летней ли теплыни. Это не означает безоглядного оптимизма или безмятежной безоблачности.

**Облака плывут на юго-запад,
Предвещая поздному весну.
В марте снег имеет горький запах,
Оттого ночами не усну...**

От стихов веет Русью, её душой – светлой теплыню... Слово «теплынь» – по Голосову, приобретает характер символа, его поэтического знака. «Теплынь» мы находим у многих поэтов:

**На плетнях висят баранки,
Хлебной брагой льёт теплынь.
Солнца струганные драпки
Загораживают синь.**

(Сергей Есенин)

**От стеной зацветают
Влажная тянет
Теплынь,
И горчит на губах
Поцелуев
Сухая польнь.**

(Владимир Луговской)

У Голосова своё родное:
**Мне в теплынь берёз родных
Окунуться хочется,
Спрятать руки в ласковой,
Солнечной траве...**

Теплынь, по Голосову, разлита везде – надо только её ощутить, почувствовать разлив реки сердечного человеческого тепла, тепло материнских ладоней, теплоту скрытого сердечного чувства, тёплое журчанье бессонного ручья в летнюю ночь... «Теплынь берёз родных» – теплота стихов, тепло поэтической души. Павел Голосов исповедует свою истину: душа поэта дана, чтобы высветлять и очищать жизнь, принимать на себя несовершенство мира. И слово «душа» – одно из любимых им слов. Он мог бы повторить вслед за Николаем Рубцовым: «Душа свои не помнит годы, так по-младенчески чиста, как говорящие уста нас окружающей природы», «до конца, до смертного креста, пусть душа останется чиста...» Голосов принимает жизнь как щедрый дар – и расплескивает-раздаривает этот жизненный эликсир всем жаждущим и страждущим, утверждая свой девиз: «Всё – всем!»

Учительство – не только основное занятие Павла Николаевича, это его призвание. И школу свою в селе Ордино он обустроил и взлелеял любовно и бережно. Мне довелось не раз слушать его выступления с обстоятельными и глубокими докладами – историко-краеведческими исследованиями и разысканиями, на конференци-

ях, на исторических чтениях в Мышкине, в деревне Марьиново, в Ординской школе. Ученики Голосова тоже выступали с докладами и сообщениями. Они старались во всем походить на Павла Николаевича и были столь же серьёзны и ответственны. А Павел Николаевич, глядя на них, улыбался доброй, отцовской, чуть лукавой улыбкой.

Слушала я и стихи Голосова в авторском исполнении. Подкупала их обезоруживающая искренность и откровенность, убеждённая и чистота тона. На стенах в школьных коридорах в Ордине – фотопейзажи Павла Голосова, исполненные той же пронзительной лирической силы, что и его стихи.

К своим поэтическим занятиям Павел Николаевич относился несколько иронично, он предельно скромно.

На его юношеской лирике и лирике молодых лет следы литературного поэтического ученичества. Но Голосов и не скрывает своей поэтической школы. Его «тихая лирика» – наследница поэзии Блока, Есенина, Твардовского, Рубцова.

Рубцов:
Сапоги мои скрип да скрип – под осиною...

Голосов:
**Скрип-скрип,
Скрип-скрип,
Под ва-лен-ками
Мо-роз тре-щит,
А я не ма-ленький...**

Голосов обыгрывает известные строки на свой лад, игровая природа ощущается (стихи похожи на детские считалки, но в них заложен лукавый литературный смысл: «Я – не маленький, я расту!..»). Голосов уходит от перепевов к собственному видению мира. Уходит подражательность, с годами стихи растут, обретают, «как выдержанные вина», особую крепость. Но классическая поэзия всегда живёт в его сердце. Строки его вышли из знаменитого блоковского: «Наши русские дороги, наши русские туманы, наши шелесты в овсе...»

В поэтической душе живёт негромкий пафос любви к родной стороне. Голосову дорог и глухой лес, и молочайная сторона, среди его «тем и вариаций» – просёлки и просеки, поля и перелески, лесные дороги и просины, капли росы, ветер над полями, что встаёт на стремени... И сам поэт подобен всаднику-ветру, несущемуся сквозь время.

**Пусто в поле. Выйди за деревню,
Посмотри, какая даль видна!
И, как будто из легенды древней,
Мчится всадник, встав на стремени...**

Как тут не вспомнить рубцовское:
Я буду скакать по холмам задремавшей

отчизны,

**Неведомый сын удивительных вольных
племён!**

**Как прежде скакали на голос удачи капризный,
Я буду скакать по следам миновавших времён...**

Душа путешествует и бродит, как бродит матушка Русь.

За плечами Павла Голосова – вся страна, которую он изъездил и узнал, и его малая родина – «ключок земли, прижатый к двум берёзам», о которых он рассказывает по-своему. Почва родины, природы, деревни – главный учитель Павла Голосова. Глубокая тишина (вспомните некрасовское: «А там, во глубине России – там вековая тишина...»), крестьянская естественность, спокойная основательность, ощущение жизни как бытия, любование каждым шорохом и звуком, дыхание речных туманов.

Есть в книге стихов Павла Голосова и внутренний сюжет – история возвращения сына на отчий порог, сына отнюдь не блудного, но странствующего: «Когда постранствуешь, воротись домой, и дым отчества – и сладок, и приятен...».

**Глазами матери дом смотрит на меня,
Мой старый дом с берёзой у крылечка...**

Свой поэтический дар Павел Голосов несёт с тем скромным достоинством, с каким сельчанин несёт горделивость знания родной земли. Он знает цену и слову, и хлебу. Он и родился в летний день, напоенный запахом спелого хлеба, который принёс в своих ласковых руках ветер. Его сверстники – мальчишки с деревенских улиц – мчались в атаку «на лопухи с налётом белой пыли», с саблей-хворостиной или с деревянным наганом на ремне – они видели себя Будёнными и Чапаями. Так шло его послевоенное детство. Едва ли не половина стихотворений в книге Голосова наполнена памятью о войне, о дедах, воевавших за Родину.

Герой его творчества – история России. Истории посвящены многие стихотворения, в том числе и «Колокола». Поэт сопрягает колокола Новгородского вече и поля Куликова, Хатыни и Хиросимы. В военных стихах он проводит смелые параллели от Великой Отечественной до нынешних локальных войн и горячих точек...

**Я поднимусь: ты рядом,
Мой дед – в сорок втором
Ты встал под Сталинградом,
А я под Веденом.**

Размышляя об истории и живя в ней, Голосов постоянно находится во власти исторической памяти, сопротивляясь власти исторического забвения. Ученники завидуют жизни своего наставника, жизни, как им представляется, бурной, полной риска и опасностей, восхищаются им, хотят проникнуть в его закрытый пока для них опыт, а Павел Николаевич, в свою очередь, преодолевает времена и пространства, то уходя в походы и боевые схватки древнерусских князей, то всматриваясь в древние листы пергаментов и рукописей, начертанных летописцами. Поэт и историк, Голосов мыслит себя преемником древнего летописца, обнаруживая в прапрадеде близкий строй души, желание напрячь деятельные способности, испытать себя.

Впрочем, иногда хочется поспорить с автором, читая, например, стихотворение «Ода топору». Избу ладить, лес валить мужицким топором – и впрямь, можно памятник топору ставить – верному и надежному другу в строительстве и (в древние времена) – в обороне. Порой без единого гвоздя одним лишь топором выгесаны, сотворены и храмы, и дома. Понимаешь мысль Голосова о защите Отечества, но призыв «Снова Русь зовите к топору» имеет совершенно иной определенный исторический контекст. Слова «К топору зовите Русь, к топору», по известной легенде, принадлежит Чернышевскому – это призыв к революционному мятежу... Тем более, что и народофильский мотив рядом:

**Вечная мечта: земля и воля,
И в руках помощник их искать...**

Искать волю с помощником-топором? Вряд ли Павел Николаевич помышлял об этом. Он думает и пишет о мирной земле и мирном небе. Его желанный идеал – это тепло и свет домашнего очага.

**Будем дом, смеяться будут дети,
За шумит рябина у окна,
Пирогом душистым печь приветит,
А в дверях – красавица жена.**

Человек создан так, что величайшее наслаждение из всех дарованных ему природой и Богом – творить добро... Писать стихи для Голосова – и значит созидать красоту, творить добро и свет.

Маргарита Георгиевна ВАНЯШОВА,
доктор филологических наук, профессор
г. Ярославль

* * *

*Реки, речки – дальние дороги –
Уводили в тёмные леса;
Наши предки мужественны, строги –
До сих пор звучат их голоса.*

*Студенец, Поповка и Присеки,
И могилы на краю села...
Выбирали место и навеки
Трудно приживались у кола.*

*Поле все истоптано лаптями,
И надёжный друг – крестьянский конь.
Лето снова взято журавлями,
По оврагам вновь рябин огонь.*

*Скоро грянут зимние метели,
Холода и волки у реки.
Поскорее б птицы прилетели –
Как же трудно выжить, мужики!*

*Руки скрючены, рубахи серы,
Вечная борьба за колос ржи;
Здесь, по Кадке, вы когда-то сели,
Чтобы наша продолжалась жизнь.*

* * *

*Осень клёны рассердила –
В гневе краской налились,
Но ушла былая сила,
Потянулись листья вниз.*

*Приуныли листья, просят:
«Эх, ещё б чуть-чуть тепла!»
Но у жизни есть и осень;
Всё дала нам, что смогла.*

*По лугам, по перелескам,
По оврагам и лесам,
Паутинки в ярких блестках
Потянулись к небесам.*

*Было всё: туманный вечер
С угасающим лучом,
Приласкавший ветки ветер,
Им шептавший горячо.*

*Били яростные грозы,
Разрывая небосвод.
Были утренние росы,
Плеск волны у крошки вод.*

*Жухнут травы. Стылый ветер
Над полями пролетел.
Было жарко. Было лето.
У всего есть свой предел.*

На крылечке дед...

*Поле, лес и речка –
Дальняя дорога!
Вот её начало,
Прямо от порога.*

*И уводит в дали...
Я же парень крепкий,
На ногах сандалии,
А затылке – кепка.*

*За калитку вышел –
Сердце трепыхнулось.
Воробы на крыше.
Детство не вернулось!*

*И пошёл над речкой,
На горушке встал:
Сзади – дым над печкой,
Впереди – мечта.*

*Всё передо мною –
Прошлого-то нет,
С поднятой рукою
На крыльчке дед.*

*Как в благословенье:
«Ну, внучок, иди!»
Было что – мгновенье.
Будет – впереди...*

*Как давно всё было,
Время унесло,
Многое любилось,
Многое пришло.*

*А перед глазами
Киноленталет.
Всё хотели сами –
В первом кадре – дед...*

* * *

*Вы слышали, как плачет коростель,
Когда роса на листья опадает,
Когда рожденья ожидает день
И лёгкий ветерок над речкой тает?*

*Я вышел в луг. Он к ночи опустел.
В какую даль тропинка эта манит?
И впереди кричащий коростель
Зовёт идти туда, за тем туманом.*

*Там юности минувшие года,
Костры, палатки и гитары пели,
Вопросом изгибались поезда,
А вдаль всё звали, звали коростели.*

*И всё ведёт куда-то далеко
Идти за ним, как будто за мечтою,
Догнать, ведь знаешь, будет нелегко,
Но пробовать, пожалуй, всё же стоит.*

*А коростель тревожится ночами,
Опять зовёт, как в давние года.
Не знает он – гитары отзвучали.
Не знает – отстучали поезда.*

* * *

*Есть в колосе души моей частица,
И путь не в каждом, пусть всего в одном;
Моим ладони – полевые птицы –
Пропахли солнцем, травами, зерном.*

*Спешат по полю дождики косые,
Согреет солнце, ветер прошептит –
Стоят колосья, набирают силу
И для себя, и для моей души.*

*Парю над полем, сам уже как птица,
Ловлю тепло вздыхающей земли,
Теперь и я лишь малая частица –
Мгновение, что жизнь нам уделит.*

*А в остальных колосьях души предков,
Всех, кто к земле здесь руки приложил;
Прислушаешься к полю, и нередко
Услышишь шелест – шёпот умежи.*

*Неласковое северное небо;
Пришёл мужик и полечко вспахал,
И бросил зёрна – жизнь поднялась хлебом,
И стало то началом всех начал.*

Травы падают

*Травы падают под косой –
Вот и кончилось для них лето:
Не порадует вечер росой,
Не увидит цветного рассвета.*

*А какая была весна!
А какие грозы шумели!
Тихо в поле. Над лесом луна,
Как младенец в резной колыбели.*

*Новый день сокращает лето,
Всё длинней и темнее закат.
Скоро с ветром растерзанных веток
Листья жёлтые полетят.*

*Но оставлены семена,
Корни в землю вцепились тоже.
Выжить в стужу, и будет весна –
Снова к жизни разбудит дождик.*

* * *

*Я у жизни в долгах неоплаченных –
Нет, не в золоте, не в деньгах;
Пожалеть бы, но нет, не плачется
О давно прошептевших деньках.*

*Занимал я цвета у рассвета,
Брал у речки журчанье воды,
Наполнял себя силой ветра,
Яркой вспышкой упавшей звезды.*

*У друзей занимал доверие,
И пьянила любовь, как вино,
И в бессонную ночь вдохновение
Мне луна приносила в окно.*

*Я давно разучился плакать
И давно перестал краснеть,
На щеках – это осени слякоть,
Это просто подтаявший снег.*

*А жалеть о долгах не стану,
Хоть за них приговор суров:
Заключением будет старость
С закорючками докторов.*

Немного об авторе**Его судьба – Кацкий край**

Павел Николаевич Голосов – человек общественный. Вот и фотографию, понадобившуюся для журнала-сборника его стихов, отыскал не сразу: «Да как-то незаметно для себя всё раздариваю!» Зато на оставшейся он у стен любимой Ординской школы, в которой много лет преподаёт и которую теперь возглавляет.

А началось всё 15 июня 1950 года, когда он родился в деревне Трухине Нижней Кадки в семье тамошних крестьян Николая Васильевича и Валентины Алексеевны. Затем учёба в Ординской начальной школе, Нефедьевской восьмилетней, после окончания которой в 1965 году поступил в Рыбинский авиационный техникум, где получил специальность совсем не деревенскую: техник-технолог по литью цветных металлов и сплавов. После – служба в армии заместителем командира взвода в школе младших авиаспециалистов в Приморском крае.

И вот, наконец, возвращение в отчий край! Работал учителем физики в Нефедьевской школе, учился и окончил заочно Ярославский педагогический институт. Женится; вдвоём с супругой Татьяной Николаевной растят сына Николая.

Было время – работал секретарём парторганизации местного колхоза «Победа». Хозяйство тогда, руководимое В.А. Багдасарьяном, переживало лучшие свои времена: строительство мостов, дорог, школы, целого посёлка Воронцово, реставрация Ординского храма – во всех этих и многих других делах есть участие и Павла Николаевича Голосова.

В 1985 году много сил и души было отдано созданию в Ордине краеведческого музея, которым Павел Николаевич бесменно заведует до сих пор.

А школа всегда оставалась в его сердце. Преподавал историю, географию, краеведение, и с 2004 года – директор Ординской основной общеобразовательной школы.

Одно только остаётся непонятным: когда же при такой загруженности и трате сил и энергии Павел Николаевич умудряется ещё и стихи писать. Причём стихи – не единственное его увлечение: он много фотографирует, занимается краеведческими исследованиями, ухаживает за садом и огородом, стремится быть всегда в гуще местной общественной жизни...

Хотя, а что здесь непонятного-то? Силы ему даёт сама Кадка, протекающая в буквальном смысле под его домом. Необыкновенные кацкие дали, солнечные закаты и рассветы, живое человеческое общение – словом, те простые радости бытия, которыми так щедро со всеми делится родная земля, да не все умеют ими пользоваться. Видеть и понимать красоту обыденной жизни – ещё один, пожалуй, самый главный, талант Павла Николаевича Голосова.

Пожелаем же от имени читателей «Кацкой летописи» поэту новых сил и удач. Как знать, может быть, этот пробный сборник его стихов – первый шаг в большую литературу.

ВАША «КЛ»

Павел Николаевич Голосов у стен Ординской школы. 2005 год

Этот выпуск «Кацкой летописи» – сборник стихов П.Н. Голосова – вышел в свет благодаря финансовой поддержке администрации Угличского муниципального округа. Сердечно благодарим её сотрудников, а главу округа Элеонору Михайловну Шереметьеву лично, за всенепременное внимание к творческой и общественной жизни волости Кадки (Кацкого стана) и доброе участие в решении насущных проблем. Надеемся на продолжение сотрудничества!

«КЛ»

